

ПИСЬМА
ИЗЪ
НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ

А. Н. Молчанова.
(*Корреспондента газеты „Новое Время"*)

ЦѢНА 30 КОП.

Складъ изданія въ агентствѣ „Новаго Времени", Дерибасовская ул., д. Вагнера у В. А. Пташникова.

ТОРГОВЦАМЪ УСТУПКА.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Одессы, Москвы, Петербурга и друг. гор.

ОДЕССА.
Типографія Г. Капица уг. Пушк. и Полиц. ул., д. Бродскаго.
1885.

АВТОРУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

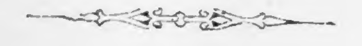
МОЛЧАНОВУ

ОТЪ ПРИЗНАТЕЛЬНАГО

ИЗДАТЕЛЯ НАСТОЯЩЕЙ БРОШЮРЫ

ВАСИЛІЯ АНДРЕЕВИЧА

ПТАШНИКОВА.

ОДЕССА

1-го октября 1884 года.

ПИСЬМА

ИЗЪ

НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ

А. Н. МОЛЧАНОВА.

(*Корреспондента газеты „Новое Время“*).

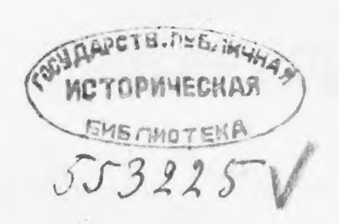
Складъ изданія въ агенствѣ «Новаго Времени»,
Дерибасовская ул., д. Вагнера.

ТОРГОВЦАМЪ УСТУПКА.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Одессы, Москвы Петербурга и друг. гор.

ОДЕССА.
Типографія Г. П. Капица, уголъ Пушкинск. и Полицейск. ул., д. Бродскаго.
1884.

Дозволено цензурою. Одесса, 7-го Сентября 1884 г.

I.

Много разныхъ увлеченій испытала родная Русь. Даже эллинизмомъ увлекалась въ концѣ прошлаго столѣтія и стала крестить, вновь присоединенные города греческими именами. Акъ-Мечеть превратили въ Симферополь, Каффу въ Ѳеодосію, русскій запорожскій городокъ Орликъ въ Ольвіополь, а крѣпостцу Хаджибей назвали Одессой въ томъ предположеніи, что около нея былъ древне-греческій Одиссосъ —великій торговый путь. Ровно черезъ десять лѣтъ, 22-го августа, Одесса будетъ праздновать свое столѣтіе...

Одесса — городъ прекрасный. Видъ на море роскошный, причемъ вся проза гавани далеко внизу, а сверху одна поэзія приморскаго бульвара; дома хорошіе, мостовыя, какихъ нѣтъ и въ Петербургѣ — ровными кубиками; всѣ улицы обсажены въ четыре ряда деревьями; водопроводъ столь богатый, что его хватитъ на цѣлый вѣкъ, быстро увели-

чивающееся населеніе, замѣчательная чистота — однимъ словомъ, городъ образецъ.

— Только отчего же я не вижу ни одной русской вывѣски на опрятныхъ улицахъ? Отчего и толпящіеся па углахъ джентльмены и большинство гуляющихъ говорятъ здѣсь совсѣмъ не по русски? Беретъ сомнѣніе, точно ли эта «красавица юга», именуемая Одессой — родной нашъ городъ, а не городъ паразитовъ, выросшихъ на могучемъ тѣлѣ русскаго землепашца?

Надо справиться. Иду въ городскую управу — прекрасное зданіе на берегу — и прошу: дайте мнѣ списочекъ вашихъ излюбленныхъ воротилъ. Даютъ просимое и читаю: городской голова грекъ Маразли, товарищъ его нѣмецъ Витте; изъ членовъ управы одинъ — г. Мипчіаки — грекъ, два — гг. Велькоборскій и Чижевичъ — поляки, и еще одинъ г. Хари — еврей.

— А русскихъ нѣтъ?

— Нѣту-съ.

Справляюсь, нельзя ли достать списочка разныхъ коммерческихъ домовъ, фирмъ, конторъ и т. п. — «А вотъ, отвѣчаютъ, вотъ адресная книжка по участкамъ города — кого желаете?» — Какія у васъ главныя банкирскія конторы?

— Въ главномъ бульварномъ участкѣ Масса, Ашкинази, Минца, Трандафило, Зографоса, Зонштейна, Грубера, Люльки и Хапса, въ александровскомъ участкѣ—Аропса...

— А торговые дома?

— Извольте — Кроне, Петрококино, Хиера, Финкельштейна, Шварца, Рабиновича, Христо...

— А комиссіонныя конторы?

— Вотъ съ — Лева, Суппичичъ, Рандичъ, Гринбергъ, Дрейфусъ...

— Фабрики?

— Сгуриди, Бабадаглы, Бомштейна, Финкельштейна, Ицковича, Бронштейна..

— Адресы книжныхъ магазиновъ, пожалуйста.

— Руссо, Шлейфера, Берндта, Меергольда, Морисона, Газиса, Ицковича, Альберта..-

А типографіи какія?

— Нитче, Кирхнера, Шульца, Алексомати, Хрисогелоса, Бекеля, Гелертера, Сегаля, Баумштейна, Шухмана...

— Да гдѣ же русскія-то имена?

— Ихъ у насъ очень мало-съ, по пальцамъ перечесть можно.

Беру я, наконецъ, длиннѣйшій списокъ избирателей съ тысячами именъ и прошу убѣдительно отмѣтить мнѣ съ указаніемъ національности. Выходитъ почти на половину— русскихъ 1880, евреевъ 653 да грековъ, поляковъ, нѣмцевъ и пр. около 400.

— Половины, однако, не равныя, улыбаясь, поясняетъ мой чичероне; первая-то слабенька по части капиталовъ, а вторая — въ ней Эфруси, Рабиновичи, Рафаловичи—каждый, кладите, милліонами ворочаетъ...

Писанной исторіи о томъ, какъ все это случилось на лицо не имѣется и надо обратиться къ языку старожиловъ. Одинъ изъ таковыхъ — человѣкъ краснорѣчивый, энергичный, испытанный русскій дѣятель въ думѣ, кредитѣ и школѣ — г. Пашковъ. Прошу его разсказать мнѣ, какою была Одесса встарь, кто володѣлъ ею прежде и кто володѣетъ ею теперь. Слушаю его, а записка почтеннѣйшаго профессора Яковлева служитъ мнѣ подспорьемъ въ оріентировкѣ по интересующему вопросу.

Лѣтъ 50 тому назадъ, Одесса походила болѣе на со-

браніе мелкихъ хуторковъ, чѣмъ на городъ: въ огромныхъ улицахъ стояли маленькіе домики. Порто-франко и правительственныя льготы вызвали сюда массу торговыхъ иностранцевъ. Греки, французы, итальянцы и нѣмцы, даже въ магазинахъ, не хотѣли и не умѣли говорить по-русски. Г. Пашковъ помнитъ, какъ однажды онъ былъ удивленъ необыкновеннымъ видомъ человѣка, трусливо задами пробирающагося съ горшечкомъ въ рукахъ къ городскому выгону: на головѣ у него была шапка съ мѣховыми ушами, на тощихъ плечахъ халатъ съ непомѣрнымъ разрѣзомъ, на тонкихъ, босыхъ ногахъ сандаліи. Это былъ одинъ изъ первыхъ жидовъ, пробравшихся съ Запада въ Одессу и шедшій на пастьбу за козьимъ молокомъ, единственной, не грѣховной пищей среди гоевъ. Съ тѣхъ поръ евреи растутъ и цвѣтутъ. Главной поливкой имъ служили русскія войны: кампаніи 1828, 1853—5 и 1877 гг. обогатили край и Одессу массой новыхъ капиталистовъ. Евреи являлись отовсюду: изъ близкихъ русскихъ же провинцій, напр. родоначальникъ знаменитыхъ богачей Эфруси—Эфрусъ, пришелъ изъ Бердичева, и изъ за-границы, какъ, напр., Вальтухъ, явившійся изъ Лейпцига.

Первымъ товаромъ, съ котораго они начали свою конкурренцію съ иностранцемъ, былъ конечно хлѣбъ. Еврею легче закупить зерно, чѣмъ французу, итальянцу или нѣмцу, и старѣйшей хлѣбно-торговой фирмой въ Одессѣ слыветъ домъ Рабиновича; черезъ нѣсколько лѣтъ еврей Гуровичъ заводитъ прямыя сношенія съ Англіей; здѣсь же выросъ Гинцбургъ, продававшій водку на севастопольской оборонѣ; далѣе Вальтухъ пропагандируетъ торговлю фарфоромъ, Бернштейнъ — металлическими издѣліями и т. д. Къ концу 60 годовъ, такимъ манеромъ, евреи вытѣснили почти совсѣмъ иностранцевъ съ одесскаго рынка и стали его безраз-

дѣльными хозяевами. Теперь можно смѣло утверждать, что ни одинъ фунтъ русскаго товара, уходящаго за границу черезъ Одессу, и ни одинъ аршинъ мануфактуры, привозимой къ намъ изъ за-границы черезъ Одессу, не минуетъ еврейскихъ рукъ и заплатитъ непремѣнно крупный куртажъ еврейскому карману.

Богатство и монополія евреевъ въ этомъ городѣ, въ которомъ прошлый годъ сосредоточились для отправки заграницу 6.285,660 четвертей разнаго хлѣба, т. е. болѣе чѣмъ на 60 милліоновъ рублей, гдѣ на такую же сумму нужно считать прочіе, торговые, годовые обороты, конечно даетъ тонъ всему строю новоросійскаго края — его землевладѣнію, школѣ, и прессѣ. Край не обиженъ природой и много еще въ немъ вольной земли, а потому намъ русскимъ, слѣдуетъ хорошенько поразобраться въ вопросѣ о будущности этого края. А въ немъ, какъ видите, важнѣе всего и опаснѣе всего — еврейская сила капитала. О вліяніи ея на торговлю, землевладѣніе и школу, мы и будемъ говорить въ слѣдующихъ письмахъ.

II

«Это обѣтованная земля для евреевъ»—такъ характеризовалъ край еще въ 1850 г. одинъ изъ почтеннѣйшихъ и интеллигентнѣйшихъ старожиловъ его, А. Скальковскій, не даромъ слывущій Несторомъ Одессы. Свѣдѣнія о числѣ іудеевъ на всей территоріи края не восходятъ далѣе 1844 года, когда ихъ считалось 97 т. душъ, что составляло тогда всего 3 процента. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ здѣсь уже 156 т. евреевъ, т. е. болѣе 4%. Въ 1863 г. оказывается 249 т. евреевъ, или 6%; въ 1870 году—306 т. евреевъ, а къ 1880 году число ихъ выросло до 450 т., или стало болѣе десяти процентовъ всего христіанскаго населенія. Иначе говоря, въ сорокъ лѣтъ еврейское населеніе почти упятерилось, тогда какъ за этотъ же періодъ, христіане увеличились въ числѣ лишь на одну треть.

Такой необыкновенный ростъ еврейскаго населенія еще рельефнѣе на районѣ одесскаго градоначальства: въ 1844 г. ихъ было тамъ 6 т. душъ, въ 1880 г.—69 тысячъ, т. е. въ $11^{1}/_{2}$ разъ больше. Теперь евреи въ Одессѣ составляютъ 32 процента всего населенія, т. е. треть его.

Чтобъ составить ясное и не голословное понятіе о томъ чѣмъ живутъ и что дѣлаютъ евреи въ краѣ, поѣдемте по городамъ—благо здѣсь сообщеніе удобное—и запасемся на время терпѣніемъ по сбору цифръ, никогда непопадающихъ въ оффиціальную статистику.

Вотъ губернскій городъ Херсонъ. Всѣхъ жителей 50 т., изъ нихъ 23 т. евреевъ; купцовъ 150, изъ нихъ евре-

евъ 73; ремесленниковъ 552, изъ нихъ евреевъ 73; питейныхъ и трактирныхъ заведеній 139, изъ нихъ еврейскихъ 105, спиртныхъ складовъ 7—всѣ еврейскіе; фабрикъ и заводовъ 53, изъ нихъ еврейскихъ 28; магазиновъ 123, еврейскихъ изъ нихъ 55; лѣсныхъ складовъ 57, изъ нихъ еврейскихъ 52; хлѣбныхъ складовъ 24, изъ нихъ еврейскихъ—14.

Заглянемте съ той же цѣлью еще въ два наибольшихъ города губерніи—въ Ананьевъ и Тирасполь.

Въ первомъ жителей 15 т., изъ нихъ евреевъ около 8 т., купцовъ 17, изъ нихъ евреевъ 11, ремесленниковъ 40, изъ нихъ евреевъ 36, всѣ 18 питейныхъ и трактирныхъ заведеній принадлежатъ евреямъ, такъ же какъ и всѣ 6 оптовыхъ спиртныхъ складовъ; всѣхъ товарныхъ лавокъ 59—изъ нихъ еврейскихъ 5.

Въ Тирасполѣ жителей 13 т., изъ нихъ 5,340 евреевъ; купцовъ 70, изъ нихъ 54 еврея; ремесленниковъ 453, изъ нихъ 274 еврея; питейныхъ и трактирныхъ заведеній 124, изъ нихъ еврейскихъ 98, ренсковыхъ погребовъ 2—оба еврейскіе, спиртныхъ складовъ 4—всѣ еврейскіе, лавокъ 141, изъ нихъ 127 еврейскихъ; всѣ 15 лѣсныхъ складовъ еврейскіе; изъ 50 хлѣбныхъ магазиновъ 47 еврейскихъ.

Продолжая подобное же изслѣдованіе и въ другихъ городахъ—въ Ольвіополѣ, Новогеоргіевскѣ и т. д., мы придемъ вотъ къ какимъ выводамъ:

Въ городахъ всей губерніи:

Еврейское населеніе	35%
Евреевъ купцовъ	48%
Евреевъ ремесленниковъ	40%
Евреевъ кабатчиковъ	75%
Еврейскихъ спиртныхъ складовъ	96%
Еврейскихъ фабрикъ и заводовъ	30%

Еврейскихъ лавокъ 71%
Еврейскихъ лѣсныхъ складовъ 82%
Еврейскихъ хлѣбныхъ складовъ 78%

Изъ этого ряда цифръ очевидно, что евреи почти безраздѣльно завладѣли торговлей водкой, лѣсомъ и хлѣбомъ—двумя главнѣйшими отраслями мѣстной коммерціи, и мелочнымъ торгомъ. Это въ городахъ, но чтобъ получить полную картину, надо съѣздить и въ деревню. Къ сожалѣнію, перечислить ихъ нѣтъ возможности и приходится говорить поуѣздно. Начнемъ опять съ Херсонскаго уѣзда.

Въ немъ 220 т. жителей, евреевъ 18 т.; кабаковъ и трактировъ 448, изъ нихъ еврейскихъ 359; въ Елисаветградскомъ уѣздѣ кабаковъ и трактировъ 647, изъ нихъ еврейскихъ 545, жителей всѣхъ 302 т., евреевъ 16 т.; въ Ананьевскомъ уѣздѣ кабаковъ и трактировъ 365, изъ нихъ еврейскихъ 254 и т. д. Въ общемъ евреевъ по уѣздамъ Херсонской губерніи менѣе одной двадцатой всего населенія; всѣхъ кабаковъ въ уѣздѣ 2,711, изъ нихъ содержимыхъ евреями 2,086, т. е. 78%, или почти всѣ. Это счетъ минимальный, такъ какъ сюда не входятъ кабаки, взятые евреями на чужое имя, безпатентная и секретная продажа водки.

Въ уѣздахъ евреи составляютъ только 5% общаго числа жителей, а во всей губерніи—вмѣстѣ съ городами—менѣе 10%. Слѣдовательно, объ излишней скученности и рѣчи быть не можетъ: гдѣ находитъ хлѣбъ и работу почти полтора милліона христіанскаго населенія, тамъ безъ сомнѣнія могли бы прокормиться честно 130 т. евреевъ. Но вышеприведенная таблица говоритъ какъ будто совсѣмъ другое. Евреи не хотятъ трудиться надъ производительной работой. Въ земледѣліи ихъ нѣтъ вовсе, на фабрикахъ и заводахъ ихъ только 17%, даже среди ремесленниковъ они

уступаютъ большую половину христіанскому населенію. Но за то въ торговлѣ еврей почти монополистъ. Самыя прибыльныя отрасли ея—кабацкая, по зловредности, лѣсная и хлѣбная, по темнотѣ чернаго люда, руками котораго загребаютъ тутъ жаръ—по преимуществу еврейскія; торговлю въ лавкахъ, болѣе явную и требующую большей честности—евреи на одну четверть уступаютъ христіанамъ.

Но и этихъ выводовъ пожалуй недостаточно. Броня, въ которую одѣваютъ евреи своихъ адептовъ, золотая и прочная—она требуетъ стрѣлъ особенно острыхъ и крѣпкихъ. За ними обратимся въ мѣстный мировой судъ и попросимъ его сказать свое вѣское слово о жизни евреевъ въ Новороссійскомъ краѣ. Изберемъ на первыхъ порахъ Тираспольскій мировой округъ. Онъ сообщитъ намъ, что въ періодъ десяти лѣтъ въ его производствѣ было 29,668 взысканій долговъ на сумму 3,525,000 рублей, изъ нихъ 20,765 исковъ на 2,467,500 рублей предъявленны евреями къ христіанамъ. Въ округѣ 125 т. христіанъ и 8 т. евреевъ обоего пола, т. е. на долю каждаго мужчину еврея приходилось болѣе чѣмъ по 5 исковъ и на долю каждаго мужчину христіанина почти по 400 руб. еврейскаго взысканія. Цифры почтенныя и поучительныя!

По удостовѣренію предсѣдателя съѣзда (онъ же уч. мир. судья), денежныя сдѣлки дѣлаются по обычаю такъ: крестьянинъ выдаетъ росписку, по крайней мѣрѣ, на двойную сумму противъ занятой, что требуется евреемъ «подъ предлогомъ обезпеченія»; затѣмъ, когда наступитъ срокъ обязательства, то прежде представленія его ко взыканію, еврей получаетъ съ крестьянина сколько окажется возможнымъ въ счетъ долга, но росписокъ не даетъ. И вотъ на судѣ при искѣ въ 100—200 рублей отвѣтчикъ всегда заявляетъ, что имъ занято всего 50—60 рублей,

что онъ производилъ уплаты и ссылается на свидѣтелей; еврей, зная отлично, что по гражданскому иску свидѣтели не допускаются, важно требуетъ представленія платежныхъ росписокъ. Иногда таковыя предъявляются, но въ нихъ не обозначено по какому документу уплачено, не названъ ни годъ, ни число уплаты: гдѣ же безграмотному крестьянину провѣрять, что написалъ ему жидъ-кредиторъ? Судья, скрѣпя сердце, принужденный руководствоваться не правдой, а формализмомъ закона, качаетъ головой и противъ совѣсти присуждаетъ христіанина къ уплатѣ, приказываетъ выдать исполнительный листъ. «Въ большинствѣ случаевъ еврей, пугая крестьянина описью и продажей его имущества, получаетъ отъ него малыми частями ежегодно часть долга и потомъ уже, раззоривъ, обращается за содѣйствіемъ къ судебному приставу».

Въ Александрійскомъ мировомъ округѣ мы попросимъ уголовную статистику, чтобъ и съ этой стороны не было пробѣла въ нашемъ описаніи. У мироваго судьи 1 участка въ теченіи $1^1/_2$ лѣтъ было въ производствѣ 206 уголовныхъ преслѣдованій противъ евреевъ, изъ нихъ за нарушеніе питейнаго устава 90, за обиду христіанъ 65, за буйство и неповиновеніе 23, за мошенничество 18 и т. д. Въ съѣздѣ за это же время было 96 дѣлъ: по обвиненію евреевъ въ нарушеніи питейнаго устава (74), мошенничествѣ (8) и оскорбленіи христіанъ (14).

Такимъ образомъ, только по суду христіане одного уѣзда платятъ евреямъ ежегодно по 250 т. рублей, не считая вѣроятно милліона, уплачиваемаго безъ участія мироваго института, негласно и добровольно. Платитъ эту тяжелую и явно мошенническую подать населеніе, работающее производительно меньшинству, пренебрегающему всякимъ трудомъ. Такъ, предсѣдатель тираспольскаго мироваго съѣз-

да, на основаніи своей 12-лѣтней судебной практики въ краѣ, удостовѣряетъ, что, болѣе чѣмъ тринадцатитысячное еврейское населеніе городовъ и деревень уѣзда раздѣлено на двѣ категоріи: «къ первой принадлежатъ всего нѣсколько сотенъ лицъ, занимающихся обычными торговыми дѣлами, остальные же безпощадно эксплоатируютъ низшій классъ земледѣльческаго населенія... Проживающіе въ деревняхъ почти исключительно занимаются ростовщичествомъ, тайною торговлею питей, скупомъ у крестьянъ за безцѣнокъ продуктовъ, во время нужды, укрывательствомъ и переводомъ краденаго»...

Большая часть мѣстныхъ земскихъ собраній, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оффиціально заявила, что «евреи не гнушаются никакими средствами, чтобы эксплоатировать и развращать христіанъ» (Елисаветградское), что существуютъ «постоянныя злоупотребленія евреевъ, практикуемыя ими въ разныхъ родахъ ихъ дѣятельности и по преимуществу въ захваченной ими питейной торговлѣ» (Херсонское) и т. д.

Бессарабская еврейская коммисія также оффиціально засвидѣтельствовала, что изъ массы населяющихъ край евреевъ только 2053 имѣютъ опредѣленное занятіе (считая таковымъ и шинкарство и факторство), прочіе же существуютъ перепродажей мужицкаго труда, спекуляціей, ростовщичествомъ и пр. хорошими гешефтами. Многія волости, спрошенныя властью о евреяхъ, также засвидѣтельствовали, что большинство жидовъ ищетъ случая уловить крестьянина въ свои сѣти, иногда при помощи «запутыванія его въ какой-нибудь процесъ» (донесеніе Линканской волости) и когда поймаетъ—сейчасъ контрактъ на будущія работы съ платой до 26 р. за лѣто, тогда какъ обычная цѣна 40 р. и выше; найметъ и потомъ перепродастъ помѣщикамъ, арендаторамъ и пр. конечно съ крупнымъ барышемъ (донесеніе Клишковской волости) и т. д.

III.

Почти сто лѣтъ тому назадъ — въ 1790 году — началась проба пріуроченія еврея къ земледѣлію и длилась она долго, цѣлое полустолѣтіе. Богатыми и великими милостями осыпали евреевъ, изъявившихъ желаніе взяться за плугъ и соху. Напримѣръ, въ 1810 году, когда деньги были очень дороги, на 630 еврейскихъ душъ казна дала 219 т. рублей пособія въ Херсонской губерніи. Поселили между ними нѣмцевъ для указа, какъ обращаться съ землей, устроили въ еврейскихъ колоніяхъ, тоже на казенныя денежки, образцовыя плантаціи садоводства, шелководства и винодѣлія. Въ 1850 г. г. Думашевскій—самъ еврей — описывая эти колоніи, удостовѣрилъ, что земледѣльцы-евреи «готовы на всякую жертву, лишь бы избавиться отъ земледѣльческаго состоянія». Теперь и жертвъ не нужно — избавились. Въ Бессарабской губерніи, напр., по ревизіи числится 4,812 душъ евреевъ-земледѣльцевъ, а въ ихъ колоніяхъ на лицо только 65 душъ. Не думайте, что у нихъ земли было мало, или плохую дали; ничуть; въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ на 13 т. мужскихъ еврейскихъ душъ отведено 116 т. десятинъ и значитъ недурная, если по свѣдѣніямъ за 1880 г. попечителя еврейскихъ колоній сборъ съ нихъ равняется 38 т. рублей, а аренда однѣхъ оброчныхъ статей даетъ $39^1/_2$ т. рублей. Земля же теперь снимается русскими мужичками,

евреи получаютъ съ нихъ плату и живутъ припѣваючи въ разныхъ городахъ, торгуя и гешефтмахерствуя. Такъ кончилась эта неразумная попытка приохотить еврея къ пашнѣ, кончилась, вѣроятно, навсегда, безъ возможности повторенія въ будущемъ.

Да и не нужна она самимъ евреямъ. Съ землей они уже успѣли познакомиться близко и въ той формѣ, которая вполнѣ люба ихъ сердцу. Еврей теперь въ Новороссіи крупнѣйшій помѣщикъ и крупнѣйшій поземельный арендаторъ. Въ одномъ Одесскомъ уѣздѣ у Эфруси 20 т. десятинъ, у Когана $11^1/_2$ т., у Бродскаго 29 т, у Кнебельмана 10 т. и т. д. А если взять владѣнія ихъ по всему краю, такъ удивитесь: у фамиліи Гинцбурговъ, напримѣръ, въ Ясскомъ уѣздѣ 4,038 десятинъ, въ Сорокскомъ — 5,729, Оргѣевскомъ—7,000, Кишиневскомъ—3,782, Бендерскомъ —7,960, въ Ялтинскомъ—5,800, хотя едва ли до моихъ рукъ дошли всѣ свѣдѣнія о королевствѣ еврейскихъ бароновъ.

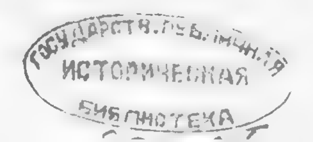
Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о еврейской землевладѣльческой силѣ въ краѣ, надо заглянуть во всѣ губерніи его. Въ Бессарабской губерніи евреи имѣютъ въ своей собственности 109,560 десятинъ. По свѣдѣніямъ Новогородцева, описывавшаго эту губернію въ 1865 году, двадцать лѣтъ тому назадъ, тамъ было только 5 евреевъ-землевладѣльцевъ, имѣвшихъ лишь 25 т. десятинъ, значить остальныя 80 т. десятинъ, куплены ими въ послѣдніе годы. Теперь среднее еврейское помѣстье 1,200 десятинъ. Въ Таврической губерніи евреямъ принадлежитъ 87,229 десятинъ, въ Херсонской—219,843 десятины, въ Екатеринославской — 61,000 десятинъ, итого въ четырехъ губерніяхъ почти полмилліона десятинъ составляютъ уже собственность евреевъ. Вездѣ средній размѣръ еврейскаго по-

мѣстья превышаетъ почти вдвое таковой же христіанскаго землевадѣнія, но евреи, однако, не гнушаются и пріобрѣтеніемъ крестьянскихъ надѣловъ. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ 1882 г., евреи скупили у крестьянъ въ Симферопольскомъ уѣздѣ два участка, въ Днѣпровскомъ—166, въ Мелитопольскомъ—336 и въ Бердянскомъ—2. Херсонское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе констатируетъ подобные же факты и для своей губерніи. По свѣдѣніямъ этого присутствія, евреи скупили въ Одесскомъ уѣздѣ 40, а въ Ананьевскомъ 295 крестьянскихъ усадьбъ «посредствомъ разныхъ неблаговидныхъ сдѣлокъ, поставившихъ крестьянъ въ необходимость лишиться своихъ жилищъ». Съ крестьянами не церемонятся въ поземельныхъ вопросахъ и самые знатные евреи. Вотъ для примѣра бѣда, сошедшая въ образѣ Гинцбурга на Богатырскую волость Ялтинскаго уѣзда. Земля принадлежала Ревеліоти и Булгакову; въ 1843 г. они полюбовно раздѣлили ее, опредѣлили между собою на глазъ и постановили болѣе о границахъ и количествѣ земли не спорить. Булгаковскую землю въ 1861 г. покупаетъ Гинцбургъ и въ его данной границы обозначены тоже по мировой. Сейчасъ смѣрилъ и увидѣлъ, что не хватаетъ. Поклонился уѣздному суду и получилъ право отобрать недостающее изъ крестьянскихъ надѣловъ. Къ счастью, губернское правленіе пріостановило исполненіе варварскаго приговора. Въ 1870 году Гинцбургъ предъявляетъ искъ по новымъ правиламъ, тянетъ его болѣе 10 лѣтъ, а тѣмъ временемъ еврейская шляхта еврейскаго помѣщика совершаетъ всякія безобразія въ предѣлахъ спорной земли, вырубаетъ лѣсъ и пр. Въ это дѣло кладутъ болѣе 20 лѣтъ сряду потери и убытки 14 деревень...

Неожиданно велика цифра еврейскаго землевладѣнія, но она—цвѣточки сравнительно съ силой еврейской земель-

ной аренды. А именно евреи арендуютъ: частной земли: въ Бессарабской губ. — 182,676 д., въ Таврической губ. — 10,585 д., въ Екатеринославской губ. — 43,915 д., въ Херсонской губ.—167,547 д.; казенной земли: въ Бессарабской губ.—182,676 д., въ Таврической губ. — 14,306 д., въ Екатеринославской губ.—14,143 д., въ Херсонской губ. —104,843 д., а всего въ рукахъ еврейскихъ арендаторовъ 538 т. десятинъ, или, вмѣстѣ съ собственностью у евреевъ, болѣе милліона десятинъ. И замѣчательно, что еврейская рука тянется именно туда, гдѣ крестьяне наиболѣе нуждаются въ землѣ. Это можно доказать даже цифрами. Такъ, въ Ананьевскомъ уѣздѣ крестьянское землевладѣніе составляетъ 27 проц. всей территоріи, и евреи тамъ же владѣютъ 26 проц., сдавая землю по 24 руб. за десятину; напротивъ, въ Тираспольскомъ уѣздѣ у крестьянъ 46 проц., у евревъ только 11 проц., въ Александрійскомъ у крестьянъ еще больше — 51 проц., у евреевъ еще меньше — 6 проц. и цѣна аренды тамъ не превышаетъ 6 руб.

Характеръ дѣятельности арендаторовъ-евреевъ извѣстенъ: гешефтъ переотдачи. У меня подъ рукой масса доказательствъ этому. Въ Маріупольскомъ уѣздѣ, напр., есть 16 евреевъ и никто изъ нихъ самъ хозяйствомъ не занимается, а одинъ, снявъ казенный участокъ по 75 коп., за десятину, сдалъ его другому еврею по 1 р. 10 коп., сей же послѣдній отдаетъ крестьянамъ по цѣнѣ отъ 4 до 10 р. Интересно также сравненіе еврейскихъ арендаторовъ съ русскими. Въ Александрійскомъ уѣздѣ, напр., есть 27 евреевъ, арендующихъ 11,108 десятинъ, по цѣнѣ отъ 1 до 3 руб.; изъ нихъ только пять ведутъ хозяйство à la помѣщикъ, остальные 22 занимаются лишь передачей земли крестьянамъ за плату до 8 р. съ десятины. Тамъ же 248 русскихъ арендаторовъ; изъ нихъ 244 сами ведутъ хозяй-

ство и лишь четверо передаютъ землю, и то по цѣнѣ не выше 4 руб. Крестьянскіе надѣлы негласно, конечно, также попадаютъ въ аренду къ жидамъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу, напр., Данкаутская волость, Бессарабской губерніи, (привожу дословно): «у нуждающихся крестьянъ евреи арендуютъ ихъ надѣльные участки за безцѣнокъ, платя за нѣсколько лѣтъ не дороже 5 руб. за десятину, а послѣ совершенія сдѣлокъ переарендовываютъ ихъ по 10—12 руб. крестьянамъ же». Стѣсняя крестьянъ непомѣрно высокой платой за пашню, евреи отнимаютъ у сосѣднихъ съ ними деревень всякую охоту и выгоду разводить скотъ. Такъ въ Херсонской губерніи евреи-арендаторы за пастьбу крестьянскаго скота взимаютъ въ лѣто съ головы крупнаго скота по 3 р. 50 коп., мелкаго по 2 р. 50 коп., лошади по 4 р., жеребенка 3 р. и т. д. Оттого сосѣдство еврея-арендатора всегда отзывается на крестьянинѣ убылью скота, удобренія почвы. Къ этому слѣдуетъ прибавить крайнюю и обычную недобросовѣстность еврея-арендатора; привожу въ свидѣтели пристава 4 ст. Елисаветградскаго уѣзда: евреи, говоритъ онъ оффиціально, не хотятъ дѣлать письменныхъ условій съ крестьянами наемщиками земли; неурожай—плати деньгами за наемъ; вышелъ урожай—объявляетъ, что отдалъ съ копны, выговариваетъ еще день работы сверхъ платы за десятину, не отдаетъ паспорта, волочитъ по судамъ и т. д. Вообще церемоній нѣтъ у еврея не только въ обращеніи съ честью, но и къ религіи крестьянъ: въ Эрдельской волости, напр., еврей Аронъ Мишнаевскій преспокойно устроилъ пастьбу для своего скота на православномъ кладбищѣ и никакая власть не можетъ его выжить оттуда. По большей части евреи арендуютъ землю крупными участками; такъ еврей Мазуровскій въ Одесскомъ уѣздѣ снимаетъ 13 т. десятинъ, въ

Ананьевскомъ еврей Герценштейнъ нанимаетъ 10 тысячъ десятинъ и пр.

Такой общеизвѣстный эксплоататорскій характеръ еврейской поземельной аренды и ясный, гласный, хотя и неисчислимый вредъ ея для крестьянства, обращаютъ невольно особенное вниманіе на громадную цифру сдаваемыхъ имъ казенныхъ десятинъ земли. Въ Херсонской губерніи по исчисленію ея земской управы есть болѣе 15 т. совсѣмъ безземельныхъ крестьянъ и около того же числа крестьянъ, владѣющихъ менѣе одной десятины на душу. И въ этой же губерніи казна отдаетъ въ еврейскія руки *болѣе* ста тысячъ десятинъ. Вѣроятно Петербургъ совсѣмъ не знаетъ какъ распоряжаются евреи казенной землей, иначе не хочется объяснять этотъ печальный фактъ. Если точно не знаетъ, то я могу кой-что разсказать и не голословно, а съ именами дѣятелей и мѣстностей.

Вотъ хоть окресности города Ольвіополя—15 т. казенныхъ десятинъ и всѣ сданы евреямъ. Мѣщанинъ еврей Гайсинскій взялъ въ 1881 г. впредь на десять лѣтъ константиновскую № 2 оброчную статью 828 десятинъ по 4 р. 11 коп. въ годъ; онъ сдаетъ 30 десятинъ по 6 руб. и 227 десятинъ на слѣдующихъ условіяхъ: крестьяне пашутъ, сѣютъ свое зерно, жнутъ и за это получаютъ 2 копы, а третью жиду. Такимъ образомъ Гайсинскій получаетъ по 5 копенъ съ десятины или по 20 руб. 89 коп. Тамъ же, купеческій сынъ, еврей Гершковичъ-Каминскій, взялъ тоже на 10 лѣтъ арбузинскую казенную оброчную статью 1,055 десятинъ по 1 руб. 45 коп. и отдаетъ: 120 десятинъ крестьянамъ села Арбузинки за 4 копны пшеницы и по 3 прочихъ хлѣбовъ; на остальной землѣ живутъ такъ называемые «десятинники»—издавна поселенные безземельные крестьяне, платя жиду за каждую избу по 5 руб. и

за десятину земли по 4 руб. Такимъ образомъ Гершковичу казна сдала участокъ вмѣстѣ съ христіанскими душами на нихъ... Тамъ же купецъ еврей Янкель Злотковичъ взялъ съ 1880 г. у казны станковатую арендную статью изъ 3,577 десятинъ по 3 руб. 31 к.; онъ отдаетъ: 200 десятинъ на весь срокъ аренды еврею Азриляну по 4 руб. 26 коп., а послѣдній крестьянамъ по 6 р. 50 к.; остальную землю у Злотковича снимаютъ крестьяне деревни Акацатовой, платя за нее по 5 руб. и т. д. Можно привести и другіе примѣры подобной же новѣйшей сдачи казенныхъ крупныхъ участковъ въ руки евреевъ тамъ, гдѣ крестьянство худѣетъ отъ недостатка земли и платитъ за нее баснословную цѣну.

IV.

Главный портъ Новороссіи — Одесса, отпускающій въ годъ болѣе тысячи судовъ съ русскимъ грузомъ; главная статья ея торговли—хлѣбъ, главные комерсанты — евреи. Милліоны русскихъ крестьянъ сѣютъ, пашутъ, жнутъ — Одесса сбираетъ ихъ хлѣбъ и продаетъ его заграницу. Вопросъ о способахъ и обычаяхъ такой торговли очевидно имѣетъ великій и государственный интересъ. Правда, и польза только тамъ, гдѣ производитель и потребитель стоятъ какъ можно ближе другъ къ другу, уступая посреднику minimum процента. Посмотримте же, насколько этотъ идеалъ правды соблюдается у насъ по отношенію къ главнѣйшему продукту—хлѣбу, имѣющему самое существенное значеніе для бѣднѣйшихъ производителей и потребителей.

Киньте горсточку песку на полъ его не видно, а вездѣ хруститъ подъ ногами; такъ разсыпана горсточка еврейчиковъ по всему краю, занимающая первую ступень въ хлѣбно-коммерческой іерархіи: они не замѣтны, а хрустъ раздается вездѣ. Опредѣленной спеціальности у нихъ нѣтъ: кабатчикъ напоитъ водкой за хлѣбъ, а первый хлѣбный чинъ—сейчасъ этотъ хлѣбъ скупитъ; услышитъ, что тамъ-то становой недоимку собираетъ—прибѣжитъ и опять выгодно купитъ нѣсколько четвертей; у мужика свадьба или похороны—еврейчикъ ужь на лицо и снова тащитъ полчетверти; случилась поруха, долги заѣдаютъ крестьянина,

еврейчикъ бѣжитъ ублажить кредитора и выручаетъ сѣряка изъ бѣды куплей будущаго урожая съ его нивы; залежалось на хуторѣ зерно по мелочи—еврейчикъ желанный гость; мельнику удалось при помощи секретной дырочки спустить въ подвалъ нѣсколько пудиковъ чужой пшеницы—еврейчикъ прiѣдетъ ночью и заберетъ. Все достается ему очень дешево и все это онъ продѣлываетъ на собственный страхъ и барышъ. Соберется такимъ манеромъ у него пудиковъ сто-двѣсти, онъ везетъ къ жиду второго чина и продаетъ ужь не по домашней, а по базарной цѣнѣ. У этого еврейчика есть и другая професiя—по центрамъ глухой провинцiи сидятъ его собратья въ пиджакахъ—агенты разныхъ фирмъ, сидятъ сложа ручки, а онъ, въ пейсахъ и балахонѣ, вѣчно и вездѣ рыскающiй жидокъ, нюхаетъ, нѣтъ ли гдѣ для пиджаковъ крупной поживы. Помѣщикъ обезсилѣлъ, прiѣзжаетъ приставъ—пейсы сейчасъ шлютъ гонца, является пиджакъ и предлагаетъ купить весь будущiй урожай барина. Согласились и въ усадьбу является десятокъ пейсатыхъ въ качествѣ охранителей ожидаемаго колоса. Запутался купецъ-арендаторъ или землевладѣлецъ—опять гонецъ, пиджакъ, крупная сдѣлка и нѣсколько жидковъ на стражу и т. д. Вездѣ еврейчикъ получаетъ маленькiй куртажъ съ обѣихъ сторонъ.

У второго чина есть осѣдлость, собственный домъ и амбаръ въ городѣ или большомъ мѣстечкѣ. Вокругъ него многочисленный штатъ, имѣющiй спецiальностью бдить надъ окрестными базарами. Границы районовъ между евреями, какъ извѣстно, соблюдаются строго, а гдѣ нельзя провести ихъ графически, т. е. гдѣ нѣсколько вторыхъ чиновъ пользуются однимъ и тѣмъ же базаромъ, тамъ вмѣсто уваженiя границъ, соблюдается аккуратнѣйшая очередь покупокъ: одинъ возъ Мошкѣ, другой Хавкѣ не иначе. Базаръ обыкно

венно представляетъ такую картину: на углу домовъ временъ Екатерины, гдѣ за зерцаломъ сидятъ чиновники полиціи, переписывая, скрѣпляя и подписывая груду бумагъ; на площади, мягкой какъ пухъ отъ скопившихся вѣками остатковъ сѣна, соломы и навоза, разговаривая съ бабой и жуя сѣмечки, стоитъ городовой; нѣсколько возовъ, около каждаго десятокъ евреевъ дѣлаютъ гвалтъ и одинъ, отмахивающійся съ растеряннымъ видомъ, мужичекъ. Ему кричатъ сразу двадцать разныхъ цѣнъ, двадцать рукъ сразу лѣзутъ въ мѣшки и горстями забираютъ зерно, какъ будто для пробы, двадцать же рукъ тащатъ, въ разныя стороны, одурѣвшую маленькую клячу, широко разставившую ноги, чтобъ не упасть и не осрамить хозяина... Вотъ одинъ возъ не выдержалъ, тронулся подъ напоромъ гвалта, ругани и толчковъ, за нимъ двинулись и другіе; на первомъ углу опять гвалтъ, еще громче—надо дѣлить возы между Мошкой и Хавкой; крестьянамъ не хочется идти врозь, а еврейчики расталкиваютъ, ругаются изъ послѣднихъ словъ, лѣзутъ прямо въ ухо и рыло—что подѣлаешь съ ними, комары и льва могутъ побѣдить! Раздѣлили, завезли во дворъ, ворота на запоръ и начинается мѣра хлѣба. Тутъ мануфактурный департаментъ можетъ безъ устали цѣлый годъ выдавать привиллегіи за изобрѣтеніе, а все таки не ублаготворитъ по справедливости за всѣ приспособленія къ обмѣру и обвѣсу мужичка. Еслибъ все море обратилось въ чернила, а все небо въ бумагу—и то едвали хватило бы того и другого для описанія всѣхъ тонкостей этого мошенничества, а потому раскасываю лишь нормальную картину того, что дѣлается на дворѣ у еврея-скупщика. Вотъ нѣчто въ родѣ эстрады изъ тонкихъ досокъ, на которыя то и дѣло вспрыгиваютъ еврейчики въ тотъ моментъ, когда зерно сыпятъ въ мѣру—доски ходятъ словно клавиши, вся эстрада трясется

и зерно ложится въ мѣрѣ плотнѣе и плотнѣе. Насыпали съ такимъ верхомъ, что сама физика удивилась бы, глядя на устойчивость зернового конуса и не давъ ему упасть— моментально опрокидываютъ мѣрку въ ларь амбара. Если принимаютъ на вѣсъ—еще того хуже; сначала насыпятъ примѣрно пуда полтора, а потомъ кинутъ съ размаха на другую чашку пудовую гирю, крикнутъ «вѣрно!» и въ ларь—мужикъ кричитъ благимъ матомъ, но съ нимъ уже не церемонятся — ворота вѣдь на запорѣ; на крикуна кричатъ еще шибче и держатъ его за руки, не пуская ни къ вѣсамъ, ни къ мѣркѣ.—Ну, готово! Одинъ изъ еврейчиковъ бѣжитъ въ домъ,—черезъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ появляется важная и толстая фигура въ бархатной фуражкѣ владѣтеля амбара.—Сколько? опрашиваетъ онъ солидно, словно незамаранный и незапачканный въ мошенническомъ пріемѣ хлѣба.—Восемь четвертей! хоромъ отвѣчаютъ еврейчики.—Десять, ей Богу, десять, надрывается мужичекъ.—Почемъ купили? вопрошаетъ опять второй чинъ, какъ будто онъ и этого не знаетъ.—По восьми рублей!—Дорого, другой разъ столько не давать! дѣлаетъ видъ распекающій солидный еврей и приказываетъ вести мужика «въ контору» для разсчета. Конторы-то собственно и нѣтъ никакой, но такъ называется еврей, выносящій изъ избы ассигнаціи для пущей важности предъ мужикомъ. Мужикъ не беретъ денегъ, жалуется и протестуетъ; солидный жидъ важно, и даже будто съ участіемъ выслушиваетъ его до конца, качаетъ головой и въ заключеніи совѣтуетъ: «а ты, дуракъ, самъ долженъ смотрѣть... я честный человѣкъ, у меня самъ исправникъ чай пьетъ... мировой судья знакомъ». Отъ этого совѣта у мужика зачешется въ затылкѣ, а тутъ и ворота услужливо отперты настежь—сѣлъ и уѣхалъ...

Второй чинъ соберетъ такимъ манеромъ два-три вагона хлѣба и шлетъ ихъ въ Одессу. Въ тотъ моментъ, какъ хлѣбъ имъ нагруженъ, изъ Одессы приходитъ телеграмма ближайшему пиджаку уплатить второму чину деньги—ихъ платитъ какая-нибудь портовая фирма, куда хлѣбъ отправленъ.

На товарной станціи Одессы опять великое множество жидковъ. Тамъ пересыпскій базаръ, гдѣ картина совершенно тождественная съ вышеприведенной, тамъ получается по желѣзной дорогѣ разный хлѣбъ. Одинъ пришелъ прямо на имя фирмы и кругомъ него спокойно; другой отправленъ на имя комиссіонера для продажи,—возлѣ этого вагона десятокъ спекулянтовъ, посредниковъ, агентовъ и покупщиковъ—щупаютъ, пробуютъ, тащутъ, мѣряютъ и увозятъ, причемъ всегда оказывается по жидовской мѣрѣ, что нѣсколько четвертей не хватаетъ. Отправители хлѣба, не имѣя возможности контролировать жидковъ-комиссіонеровъ, до того заваливаютъ жалобами управленіе дороги, что послѣднее нашло себя вынужденнымъ предложить хлѣбоотправителямъ собственныя комиссіонерскія услуги, выполняетъ ихъ, по общему отзыву, аккуратно и у нее никогда не оказывается утраты хлѣба.

Наконецъ зерно въ Одессѣ и лежитъ въ сотняхъ амбаровъ. У тысячи евреевъ-агентовъ безчисленное количество совочковъ съ пробами разнаго хлѣба и адресомъ амбара. Другая тысяча евреевъ снуетъ между покупщиками и агентами, ища сдѣлать выгоднѣйшій гешефтъ по сводничеству между продавщикомъ и покупателемъ. Послѣдніе заказываютъ обыкновенно хлѣбъ извѣстнаго качества, цвѣта и вѣса. Еще тысяча евреевъ знаетъ, какъ изъ разныхъ сортовъ хлѣба сдѣлать требуемую смѣсь; еще тысяча евреевъ спѣшитъ, при помощи первой и второй тысячи, ку-

пить надлежащій разнообразный хлѣбъ для смѣси изъ разныхъ амбаровъ. При покупкѣ опять тысячи евреевъ-мѣрщиковъ и лопатниковъ. Эта спеціальность требуетъ искусства: при покупкѣ надо класть хлѣбъ въ мѣру «въ подброску», чтобы зерно къ зерну ложилось плотно, а при продажѣ— «ручьемъ — непрерывнымъ мягкимъ фонтаномъ, чтобы ничто не мѣшало зерну отъ зерна отскочить хоть на цѣлый вершокъ. Разница между этими двумя способами измѣренія достигаетъ на практикѣ до двухъ процентовъ, т. е. на каждыя 1,000 четвертей «въ подброску» ляжетъ 20 четвертей лишнихъ противъ мѣры «ручьемъ», или, переводя на деньги—на каждыя 10,000 рублей есть барышъ въ 200 рублей. Послѣдняя роль — мѣрщика — его спеціальность при куплѣ смести верхъ мѣрки такъ, чтобы остался конусъ, а при продажѣ — чтобы осталась вогнутость — такъ зарабатывается тоже до 1/2 процента.

Наконецъ, хлѣбъ надлежащимъ образомъ смѣшанъ, купленъ экспортеромъ, вся атава посредниковъ-жидковъ получила свой куртажъ и мѣшки сложены на возъ для доставки къ пристани. Тутъ послѣдній видъ воровства. Вощики или «биндюжники», какъ ихъ здѣсь называютъ, къ лѣвой сторонѣ балохона придѣлываютъ карманъ до полу, сядутъ на возъ, проткнутъ мѣшокъ особымъ желѣзнымъ сифономъ, а широкій конецъ сифона опустятъ въ свой потайной карманъ: сухое зерно тонкой струйкой бѣжитъ по сифону изъ мѣшка въ карманъ, а биндюжникъ преспокойно трубочку покуриваетъ—евреи любятъ такихъ...

Сочтите-ка теперь, черезъ сколько рукъ проходитъ хлѣбецъ по дорогѣ отъ мужика и помѣщика вплоть до трюма англійскаго парохода...

V.

Вся торговля въ рукахъ евреевъ, они же владѣютъ въ краѣ болѣе чѣмъ милліономъ десятинъ земли и возникаетъ невольный вопросъ, не заполонили ли они и мѣстную школу?

Попечитель одесскаго учебнаго округа, г. Лавровскій, говорятъ, состоитъ подъ еврейскимъ херемомъ за честное и душевное отношеніе къ участи русскаго ученика, а потому я смѣло иду къ нему и прошу освѣтить мнѣ истину. *Получивъ* дозволеніе, просматриваю сначала отчеты учебныхъ заведеній края и прихожу въ ужасъ. Вотъ сколько евреевъ было прошлый 1883 годъ въ гимназіяхъ Новороссіи:

	Христіанъ.	Евреевъ.
Въ Ананьевской	185	50
» Бердянской	143	113
» Екатеринославской	355	161
» Керченской	207	104
» Кишиневской	447	93
» Маріупольской	154	44
» Николаевской	359	178
» Ришельевской	434	112
» Одесской 2-й	99	193
» Одесской 3-й	156	238
» Ростовской	160	90
» Симферопольской	295	76
» Таганрогской	348	105
» Херсонской	151	127
» Ѳеодосійской	91	56

Итого въ краѣ классическое образованіе получаютъ 3,584 христіанина и 1,640 евреевъ. Имѣя же въ виду, что населяютъ Новороссію почти $3^1/_2$ милліона христіанъ и лишь менѣе полмилліона евреевъ, мы видимъ, что у первыхъ одинъ гимназистъ приходится на тысячу жителей,

у евреевъ одинъ на 250 душъ, т. е. евреи пользуются среднимъ образованіемъ въ четыре раза шире, чѣмъ христіанское населеніе. Въ прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ евреевъ еще больше: въ первыхъ 45,6%, во вторыхъ 39%.

Это положеніе школы—явленіе недавнее и постоянно прогрессирующее. Вотъ цифры его движенія. Было въ гимназіяхъ края: Учениковъ христіанъ: въ 1873 г.—2,339, въ 1875 г.—2,395, въ 1878 г.—3,074, въ 1880 г.—3,420, въ 1882 г.—3,621; учениковъ евреевъ: въ 1873 г.—919, въ 1875 г.—1,057, въ 1878 г.—1,391, въ 1880 г.—1,719, въ 1882 г.—1,806, т. е. количество евреевъ увеличивается съ двойной быстротой сравнительно съ ростомъ числа учениковъ-христіанъ. Въ новороссійскомъ университетѣ ростъ студентовъ-евреевъ еще поразительнѣе: въ 1873 г. ихъ былъ лишь одинъ десятокъ или 3 проц. общаго числа воспитанниковъ, а въ 1882 году ихъ уже 90, или 23 проц. За это время количество студентовъ-христіанъ увеличилось лишь на одну треть, а евреевъ въ девять разъ, или 27 разъ быстрѣе.

Вы уже знаете изъ предыдущихъ писемъ какова еврейская дѣятельность въ торговлѣ, землевладѣніи и кабакѣ, а потому легко можете представить себѣ ужасъ христіанскихъ родителей, которымъ судьба указываетъ воспитаніе ихъ дѣтей въ заполоненной евреями школѣ. Вѣдь ученики-евреи воспитываются и живутъ во время ученья дома и, слѣдовательно, несутъ въ школу хоть частичку противу общественнаго вліянія семитизма. И вдругъ, среди такихъ-то товарищей, вашъ сынъ... Понятно, что г-нъ Лавровскій не могъ закрыть глаза на это положеніе. Онъ представилъ куда слѣдуетъ записку, подкрѣпленную массой статистическихъ данныхъ и указаній на факты.

«Переполненіе среднихъ учебныхъ заведеній учениками-

евреями, пишетъ г. Лавровскій, ведетъ... къ гибельному вліянію на нравственный складъ учениковъ-христіанъ... Я всегда встрѣчалъ и встрѣчаю въ ученикахъ-евреяхъ непреоборимую стѣну самыхъ закоренѣлыхъ понятій, привычекъ и обычаевъ, не только далекихъ отъ общепринятыхъ условій въ жизни христіанъ, отъ правильныхъ отношеній къ товарищамъ, начальству и обязанностямъ школьной жизни, но и заключающимъ въ себѣ полное развитіе столь поразительной нравственной извращенности, столь непобѣдимаго упорства въ злѣ, что невольно приходится съ ужасомъ смотрѣть на горсть христіанскихъ дѣтей, принужденныхъ *вращаться въ такой средѣ*»... Евреи-ученики «при всякомъ вопросѣ отвѣчаютъ обманомъ и ложью... позволяютъ себѣ кражу вещей, подчистку балловъ въ журналахъ и подлоги въ свидѣтельствахъ, вызывая почти безпрерывныя разслѣдованія». Случалось не разъ накрывать «въ домахъ терпимости учениковъ-евреевъ 1-го и 2-го классовъ 12—14 лѣтъ... Никакая энергія воспитателей не вознаграждается желаемымъ успѣхомъ. . Ко всему этому должно прибавить еще грубѣйшее отношеніе къ предметамъ религіознаго почитанія учениковъ-христіанъ. Дѣло доходитъ до того, что въ классныхъ комнатахъ не безопасно развѣшивать даже картины изъ священной исторіи: ученики-евреи постоянно дѣлаютъ на нихъ самыя возмутительныя надписи». Педагогическая власть не оставила безъ наблюденія и домашнюю обстановку евреевъ-гимназистовъ. Оказалось, что «въ такомъ-то кабакѣ за стойкой разсчитывается гимназистъ, а въ такомъ-то домѣ терпимости принимаетъ гостей еврей, ученикъ прогимназіи. Услѣдить за этимъ, констатируетъ г. попечитель, нѣтъ человѣческой возможности, вслѣдствіе строго регулированной солидарности цѣлаго еврейства во всѣхъ противузаконіяхъ». Понятно, какую истому на

сердца христіанскихъ родителей кладетъ такая картина нравовъ и жизни будущихъ товарищей ихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что, по словамъ самого главы учебнаго округа, «опытъ показываетъ, что съ каждымъ годомъ мальчикъ-христіанинъ теряетъ больше и больше изъ того нравственнаго добра», которое они выносятъ изъ семьи, «родители же съ чувствомъ страха до ужаса... не въ силахъ придумать мѣръ для спасенія своихъ дѣтей» и подъ вліяніемъ этого страха многіе зажиточныя христіанскія семьи принуждены разставаться съ дѣтьми и высылать ихъ въ центръ Россіи подъ чужой присмотръ, чтобы избавить ихъ отъ растлѣвающей среды еврейскаго товарищества, а менѣе состоятельныя отказываютъ дѣтямъ по той же причинѣ въ среднемъ образованіи, посылая ихъ въ пренебрегаемыя евреями уѣздныя и городскія училища, т. е. выходитъ, что русскіе довольствуются низшимъ дипломомъ, уступая безъ борьбы какъ монополію высшій дипломъ еврейскому контингенту учениковъ. Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столповъ доводитъ эта ненормальность положенія школы. Она губитъ русскихъ дѣтей, объевреивая ихъ, и губитъ еврейскихъ юношей, не давая имъ возможности избавиться отъ гнета безнравственной и противуобщественной еврейской мысли даже въ гимназіи, гдѣ бы русское большинство должно было давать тонъ, направленіе и вліяніе на ученика-инородца.

И въ университетѣ еврей не перестаетъ измѣнять свой еврейскій духовный образъ, и не принимаетъ болѣе симпатичный типъ русскаго юноши. По заключенію самого университета, чрезъ пять лѣтъ надо ожидать, что половина его студентовъ будутъ евреи, а черезъ десять не останется ни одного студента-христіанина, «благодаря нежеланію студентовъ-христіанъ терпѣть разнообразныя невзгоды подъ давленіемъ сплоченнаго еврейскаго большинства».

VI.

Нашелся бы охотникъ писать—матеріалъ для одесскихъ тайнъ готовъ въ изобиліи. И какіе аксессуары явились бы у нихъ: подземныя катакомбы съ безконечными галлереями вынутаго для постройки камня, подпольные ходы еврейскихъ жилищъ, спрятанные въ нѣдрахъ земли, въ самомъ центрѣ города, винокуренные заводы, спиртовые склады, контрабандные товары, etc. Герои романа изъ всѣхъ сословій—вотъ остзейскій баронъ Кротусъ въ сообществѣ съ кровнымъ матрикулированнымъ дворяниномъ Шиндельгаузеромъ и треия образованными нѣмками открываютъ блестящій салонъ, гдѣ развратъ и карты служатъ приманкой для грубаго воровства *). Вотъ накрываемые полиціей Хаимъ Пикъ, Ицко Кенигъ и Шмуль Абрамовъ, тайно работающіе надъ составленіемъ подложныхъ видовъ для женщинъ, ѣдущихъ увеселять турецкое тѣло; тутъ во образѣ дамъ, являющихся въ Макбетѣ, старуха Элька Чесмицкая, выдающая 15-лѣтнюю красавицу Ривку за свою родную дочь, чтобъ увезти ее въ гаремъ константинопольскаго паши; тамъ гордые британцы съ пейсами Борухъ и Фишель торгуютъ у Малки малолѣтнюю дочку, вербуя ее въ свою партію отправляемыхъ бѣлыхъ негровъ на Востокъ и т. д. Фонъ у этой картины могъ бы быть самый разнообразный—отъ палаццо милліонера до тѣхъ низовъ грязи, навоза и злово-

*) Обо всѣхъ упомнинаемыхъ здѣсь именахъ производятся уголовныя дѣла, такъ что ни имена, ни дѣянія ихъ мною не вымышлены.

нія, которые начинаются въ нѣсколькихъ шагахъ отъ образцово-чистенькихъ улицъ центра Одессы. Эти низы—берегъ гавани, отъ которой Богъ оградилъ городъ высокой горой. Попасть туда не трудно—вотъ чертогъ богача, а тутъ рядомъ видите черную дырочку—это каменная лѣсенка; сдѣлайте нѣсколько ступенекъ—палаты ужь смѣнились лачужками и въ нихъ не милліоны, а та крайняя нужда, которая скачетъ, пляшетъ и пѣсенки поетъ—это переулокъ домовъ терпимости самаго низшаго разбора, гдѣ цѣна стыду и тѣлу менѣе двугривеннаго. Ихъ цѣлый рядъ, даже два ряда безъ перерыва отъ первой ступеньки крутой лѣстницы вплоть до послѣдней. Пройдя сквозь этотъ строй—передъ вами другіе друзья человѣчества—кабаки въ каждомъ домѣ, а посреди навозная площадь, на которой красуется «обжорная». Всѣ кабаки, конечно, содержатся евреями, причемъ многіе изъ нихъ представляютъ образцы лингвистики: ихъ кліентура самая международная—команда всѣхъ кораблей, посѣщающихъ—Одессу и кабатчики говорятъ по-русски, по нѣмецки, по англійски, по итальянски и по гречески. Вездѣ—въ кабакахъ, трактирахъ, на площади и на лѣстницѣ, ведущей въ ночлежный пріютъ—масса народа. Грудь на распашку, рваное платье изъ смѣси мужицкаго съ барскимъ покроемъ, сапоги, опорки и босыя ноги, тѣло, руки и лицо черныя, покрытыя толстымъ слоемъ каменно-угольной пыли, красные воспаленные бѣлки глазъ отъ этой же пыли и пьянства, водочно-угарный смрадъ даже на улицѣ, отрывки пѣсни, гармоники, трактирнаго органа, брани и хохота висятъ въ воздухѣ какъ мрачная туча неописуемаго хаоса. Здѣсь собралось все работающее и живущее изо дня въ день—босоногая команда непомнящихъ родства, паспортный бѣдняга-мужичекъ, прокутившійся жуеръ и жуликъ по профессіи.

Въ компаніи съ г. Пташниковымъ, милѣйшимъ одесситомъ и нашимъ корреспондентомъ съ юга, мы сошли въ этотъ адъ часовъ въ шесть вечера, когда въ гавани кончаются работы и черные жители его коротаютъ послѣдніе часы дня. Работы разныя—таскаціе кулей при нагрузкѣ и выгрузкѣ и, главнымъ образомъ, трудъ на угольныхъ дворахъ. Въ сезонъ навигаціи работы есть тысячъ для двухъ и платятъ хорошо—порой цѣна на мускулистыя руки подымается до 7 рублей въ день. Обычай создалъ у работодателей предпочтеніе меньшему числу рабочихъ за хорошую плату, предъ наймомъ массы рукъ по дешевой цѣнѣ. Оттого часть этой команды всегда остается безъ дѣла. Но и тутъ, какъ на каторгѣ, сердце не умираетъ—рабочіе подѣлились издавна на дружества. Впрочемъ, не одно сердце, но и тѣло подсказало необходимость его—нѣтъ физическихъ силъ работать изъ-подъ кроваваго пота изо дня въ день. И вотъ каждый рабочій обзавелся дружкомъ: сегодня работаетъ, дружокъ кутитъ, завтра работаетъ, дружекъ ужь прокутился и онъ опохмѣляетъ, да кормитъ дружка; на третій день смѣна—онъ кутитъ на заработки, дружекъ работаетъ, на четвертый опять работающій дружокъ опохмѣляетъ и кормитъ, и такъ вертится это колесо пьянаго и трудолюбиваго дружества до того рокового дня, когда ангелъ представитъ Богу душу почившаго друга, а полиція составитъ протоколъ о неизвѣстномъ, скоропостижно умершемъ.

Вездѣ—въ закусочныхъ, въ кабакахъ и трактирахъ такъ густо, что протискаться не легко. Входя ничего не видишь—тусклое освѣщеніе засаленныхъ лампъ, воздухъ спертый и густой дымъ махорки, но черезъ пять-шесть минутъ начинаешь различать позы и лица. Вотъ около стойки нѣсколько геркулесовъ и нѣсколько худенькихъ

сморщенныхъ фигурокъ—они нетерпѣливо тянутъ руки къ стакану и не пьютъ, а попросту вливаютъ въ горло зеленоватую жидкость. Это пропойцы—жить не могутъ безъ водки, какъ пошабашатъ на работѣ, такъ сейчасъ къ стойкѣ и не отойдутъ отъ нее пока не напьются до безсмыслія. Я слыхалъ, что среди этихъ несчастныхъ много значитъ ихъ ростъ и сила; расказываютъ знатоки босой команды, что геркулесъ пьетъ по большей части для сытости, а маленькій человѣкъ для утоленія сердца. Не знаю, насколько это вѣрно, но замѣчалъ самъ, что первый ублажается пьянствомъ, веселъ, безпеченъ и смѣлъ, а малорослаго водка словно пришибаетъ — уткнется, сидитъ тихонько, мурлыкаетъ или плачетъ, да такъ и уснетъ гдѣ-нибудь на улицѣ подъ заборомъ или въ темномъ уголкѣ трактира..

У столиковъ за чаемъ и графинчикомъ тоже разнообразныя фигуры. Вотъ деревня—скромные мужички, молча выпиваютъ, мало разговариваютъ и больше дивуются на окружающихъ. Мужикъ долго, очень долго, не сливается съ этой средой—хотя въ деревнѣ у него ни кола, ни двора и самая лютая крайность вогнала его въ босоногій адъ, а все-таки у него есть связь съ землей и нравственный катехизисъ ея. Онъ пьянствуетъ—«потому, законъ здѣсь такой—не выпьешь, бить учнутъ!», привыкаетъ къ водкѣ, какъ къ хлѣбу, но помнитъ, что есть жена, дѣтки, что надо имъ деньжонокъ выслать, требуется паспортъ выправить и боится вступить въ близкія отношенія съ нелегальной толпой сосѣдей: компанію ведетъ съ земляками, если не одного села, такъ хоть одной губерніи.

А вотъ столикъ подлиннѣе и позы самыя развязныя. Тутъ черныя лица гордо осматриваютъ васъ и не подходите слишкомъ близко—задерутъ, обидно подсмѣются и всѣ захохочутъ надъ вами. У нихъ въ глазахъ блеститъ

не добрый огонекъ — они насмѣшливо оглядываютъ вашъ костюмъ и отвѣтятъ на вопросъ не иначе, какъ съ откровеннымъ презрѣніемъ. Это представители босой команды— люди совсѣмъ оторвавшіеся отъ почвы, закона и общества. Прошлое забыто, настоящее—чадъ, будущаго нѣтъ. Цѣлые годы живутъ они подъ страхомъ тюрьмы и запора, работая и пьянствуя, всѣ для нихъ чужіе и даже Богу молиться совѣстно.—«Молись, не молись—нѣшто похвалятъ за этакую жизнь? говорилъ мнѣ одинъ босоногій, все одно въ аду будешь»... Но, читатель, несмотря на это трагически-ненормальное положеніе босоногаго, безотвѣтно ждущаго вездѣ одну обиду — отъ полиціи, отъ разсчитывающаго за работу, отъ каждаго прохожаго—съ вѣчнымъ сознаніемъ, что нѣтъ у него права на жалобу и отместку, у этой команды есть своя честь, строго и свято охраняемая всѣми членами ея — «босоногій не украдетъ!» Та часть паспортныхъ и нелегальныхъ, которая занимается воровствомъ, состоитъ совсѣмъ особнякомъ отъ трудящагося босоногаго— она «жулье», по общему прозванію, съ подраздѣленіями на спеціальныя профессіи, «скакуны» занимаются кражами съ возовъ, «стрѣлки»—ворожатъ уголь etc. У нихъ, конечно, и языкъ свой собственный: украсть по ихнему «позычить», накрыть вора—«засыпать», караулить—«стоять на цинкѣ (вѣроятно, отъ слова цсъ...)», попасть въ тюрьму— «въ гости къ дядѣ Зубачевскому» и т. п. Однимъ словомъ, жулье не надо смѣшивать съ босоногой командой, отличающейся честностью и грубой прямотой.

Тамъ и тутъ—въ кабакахъ и трактирахъ вы замѣчаете нѣсколько черномазыхъ, или тщательно увиливающихъ отъ вашего взгляда, или, наоборотъ, съ особеннымъ презрѣніемъ смотрящихъ вамъ прямо въ глаза. Это интеллигенція босой команды. Вотъ отставной штабсъ-капитанъ Б.,

уже 18 лѣтъ безвыходно живущій въ этомъ аду; вотъ надворный совѣтникъ К., нѣсколько разъ пробовавшій сдѣлаться вновь господиномъ, подымавшійся на верхъ города во фракѣ и снова спускавшійся въ адъ гавани въ одномъ бѣльѣ—страсть къ водкѣ, ничто другое—сводило его сюда; нѣсколько нѣмцевъ, одинъ англичанинъ, непомнящіе какъ они разстались съ своими родными кораблями и какъ застряли въ этой трущобѣ, а вотъ и знаменитый коллежскій секретарь П., любимецъ всей босоногой команды. Сынъ его—образованный, чиновный и богатый, чуть не каждый годъ пріѣзжаетъ въ Одессу, отыскиваетъ отца, одѣнетъ, умоетъ, увезетъ съ собой, поитъ, кормитъ, лелѣетъ и ласкаетъ. Проходитъ два-три мѣсяца, скучаетъ старикъ и бѣжитъ тихонько отъ сына къ босоногимъ пріятелямъ, они кричатъ ему «ура», а онъ со слезами на глазахъ искренно отвѣчаетъ имъ: «братцы, жить безъ васъ не могу! Къ вамъ отъ сына родного убѣжалъ»! Плачетъ и снимаетъ пальто, пиджакъ, жилетъ, часы, цѣпочку и булавку, угощая на нихъ своихъ старыхъ пріятелей. Но завтра онъ въ лохмотяхъ дружно уже ворочаютъ уголь, таскаетъ кули, а вечеромъ гулъ трактира, пьяная пѣсня, водка и угаръ... Бывали здѣсь по чинамъ надворные совѣтники и полковники, по профессіи—чиновники, учителя, офицеры и доктора. Въ этомъ аду, въ этой смѣнѣ труда до кроваваго пота съ безшабашнымъ пьянствомъ, въ этой юдоли безъ мысли о завтрашнемъ днѣ, въ товариществѣ, не знающемъ ни разсчета, ни нужды, не признающемъ ничего и никого—есть должно быть своя дикая прелесть и поэзія...

Пьянство и разгулъ до полночи, потомъ надо подумать о трехъ-четырехъ-часовомъ отдыхѣ до разсвѣта новаго трудового дня. Въ каждомъ домѣ и кабакъ, и ночлежный пріютъ—низкія подвальныя комнаты съ нарами и

съ платой за мѣсто по 5 коп. И тутъ, какъ въ трактирѣ, убираются по чинамъ—мужички сами по себѣ, босые особо и жулье въ сторонѣ. Видя этихъ гулякъ въ трактирахъ и кабакахъ, пьяныхъ, дерзкихъ, грубыхъ и орущихъ, дивишься ихъ скромности въ пріютѣ — «пришли спать — не балагурить»! и тихо безъ разговоровъ укладываются. Хозяйка—еврейка обираетъ пятачки; у одного геркулеса нѣтъ денегъ—жидовка хвать его за рукавъ и онъ съ покорностью барашка выводится вонъ— «спи на улицѣ, теперь не холодно»!..

Днемъ площадь пуста. Босоногіе или на работѣ, или опохмѣляются въ трактирахъ. Зато передъ вами другая картина — на дрожкахъ, сидя рядомъ съ таможеннымъ солдатомъ, ѣдутъ капитаны иностранныхъ пароходовъ, розыскивая свою пропавшую команду. Ищутъ по кабакамъ, пріютамъ и веселымъ домамъ; найдутъ одного, у капитана веревочка готова, даетъ бокса, свяжетъ и на дрожки, а самъ бѣжитъ пѣшкомъ. Случается, что пойманный матросъ успѣетъ развязаться, скокъ съ дрожекъ и бѣгомъ опять въ кабакъ... Иной пароходъ цѣлую недѣлю не можетъ собрать свою команду и часто уѣзжаетъ съ половинной ея.

—Неужели такъ вездѣ? спрашиваю капитана-англичанина.

—О, нѣтъ отвѣчаетъ онъ съ зубовнымъ скрежетомъ, только въ Одессѣ, только въ Одессѣ...

Значитъ есть поэзія и въ аду...

VII.

Адмиралъ Чихачевъ оставляетъ Одессу; вызванное имъ съ края пропасти къ воскресенію и цвѣту, Русское общество пароходства и торговли теряетъ въ немъ своего испытаннаго руководителя, доживая и послѣдніе дни тѣхъ условій, при которыхъ существовало болѣе двадцати лѣтъ. Много копій и перьевъ иступились о броню этого общества, но безпристрастное отношеніе къ нему встрѣчалось рѣдко. Русская публика слишкомъ привыкла къ плохимъ результатамъ созданнаго на казенныя денежки и не хочетъ вѣрить, чтобъ и здѣсь подъ энергичной рукой талантливаго адмирала создалось явленіе исключительное. Въ одномъ лишь нѣтъ сомнѣній—Общество пароходства и торговли и по капиталу и по количеству судовъ главнѣйшая морская компанія на нашемъ обширномъ и богатомъ югѣ. Какъ таковое оно имѣетъ право на всеобщій интересъ и на попытку сказать о немъ правдивое слово человѣка, которому нѣтъ резоновъ увлекаться въ ту или другую сторону.

Такъ думалъ я давно, читая чуть не ежедневныя филиппики противъ Русскаго общества: часто бранятъ, значитъ многимъ интересенъ сюжетъ. Настоящее пребываніе въ Одессѣ доставило мнѣ случай нѣсколько познакомиться съ итогами и дѣлами Общества, и я исполняю задуманный планъ маленькой повѣсти о немъ.

У Общества теперь болѣе 150 судовъ, стоимостью болѣе чѣмъ на четырнадцать милліоновъ руб., да кромѣ того, семь милліоновъ запаснаго капитала. Валовой доходъ свыше 2 милліоновъ, но благоразумный уставъ отчисляетъ отъ него ежегодно почтенную цифру въ нѣсколько сотъ тысячъ на погашеніе стоимости судовъ и прочаго инвентаря, да подобный-же кушъ въ запасный капиталъ. Такимъ образомъ, Общество обезпечиваетъ вполнѣ свое будущее существованіе, а въ карманъ акціонеровъ попадаетъ лишь милліонъ. Чистая-же прибыль отъ навигаціи, не считая % съ запаснаго капитала, по отчетамъ не превышаетъ 650.000 въ годъ, т. е. чуть-чуть больше скромныхъ $5^1/_2$%. Такимъ образомъ, если отнять у Общества получаемую имъ субсидію, бывшую десять лѣтъ тому назадъ въ суммѣ 1.547.000 руб., а нынѣ уменьшенную до 768.000 руб., то Общество очевидно потерпитъ со всѣми полутораста своими пароходами полнѣйшій крахъ и будетъ имѣть до ста тысячъ рублей ежегоднаго убытка.

Этотъ разсчетъ ни мало не удивителенъ. Условія срочнаго пароходства во всѣхъ странахъ таковы, что безъ субсидіи дѣло вести нельзя. Срочные рейсы имѣютъ въ виду политику и заселеніе края, т. е. чисто государственныя, а не однѣ коммерческія задачи. За это государство и должно платить. Австрійскій «Ллойдъ» получаетъ до $1^1/_2$ милліоновъ рублей, французское «Messageries Maritimes» до 5.300.000 р., итальянское «Navigatione Italiana» до 3.300.000 руб., слѣдовательно и намъ нѣтъ резона сѣтовать на расходъ правительства для всего Чернаго моря и юго-востока въ какой-нибудь милліонъ кредитныхъ билетовъ.

И нельзя по справедливости не признать, что деньги эти даны не даромъ. Въ 26 лѣтъ существованія, Общество увеличило свое имущество по стоимости въ $2^1/_2$, а по

вмѣстимости судовъ въ десять разъ. Въ четыре послѣдніе года имъ затрачено на расширеніе морскихъ силъ болѣе трехъ милліоновъ рублей. Нѣтъ также никакой возможности сдѣлать упрекъ Обществу относительно его пассажирскаго тарифа. Провѣрить его правильность и честность не трудно— стоитъ взять тарифъ на линіяхъ бойкой конкуренціи съ иностранными судами и сравнить съ таксой тѣхъ рейсовъ, гдѣ Общество монополистъ. Такъ, между Одессой и Константинополемъ средняя цѣна третьяго класса 5 руб. т. е. по 1,4 коп. за милю. Это такса, установленная свободной конкурренціей всѣхъ иностранныхъ компаній. Русское-же Общество отъ Одессы до Батума, напр., т. е. на монопольной линіи, если не считать весьма слабаго соперничества пароходовъ Родоканаки и прочихъ мелкихъ компаній, взимаетъ 9 руб. 80 коп. или 1,3 коп. за милю, т. е. меньше даже, чѣмъ было показано выше. Безукоризненная чистота пароходовъ Общества, прекрасный столъ и хорошій персоналъ служащихъ уже давно снискали имъ полное преимущество предъ иностранными срочными пароходами, гуляющими по нашему Черному морю. Это подтверждается воочію такими цифрами: между Одессой и Босфоромъ въ годъ перевозятъ пассажировъ чужеземные пароходы 3.950 душъ, а Русекое Общество 17.118 душъ, т. е. публика почти въ пять разъ охотнѣе садится на русскіе пароходы, а не забудьте, что большинство этой публики иностранцы.

Товарный тарифъ, конечно, не представляетъ такой веселой картины. Тутъ коммерція, а у этой госпожи свои особенные нравы. Гдѣ зарождается торговля и въ круговоротъ ея попадаетъ монополистъ, тамъ непремѣнно въ результатѣ нѣчто весьма печальное. Повалила, напр., нефть въ Черное море, спеціальныя суда для нея не готовы, а пассажирскихъ мало и боятся они керосинной грязи и

вони, отъ которой долго не отскоблишься и вотъ выростаетъ непомѣрно высокій тарифъ и гвалтъ товаро-отправителей. На Кавказѣ, да почти что на всемъ прибрежьѣ нашихъ южныхъ морей нѣтъ другой капитальной торговли, кромѣ хлѣбной, минующей трюмы русскихъ кораблей. Грузятъ купцы съ бора да съ сосенки, кто десяточекъ боченковъ винограда, кто пяточекъ мѣшковъ съ орѣхами и т. п. Немудренно, что къ нимъ Общество не чувствуетъ особеннаго почтенія. Тутъ трудно и выходить съ громкимъ обвинительнымъ актомъ: Общество учрежденіе коммерческое, имѣетъ полное право заботиться о своемъ карманѣ. Сколько ни нападай на него, въ этомъ случаѣ повторится лишь басня о поварѣ и Васькѣ. Но есть другой болѣе вѣрный путь: Правительство, даруя субсидію, можетъ и должно подвергнуть тарифъ Общества строгому просмотру и составить его не на основаніи однихъ коммерческихъ соображеній, а по справкѣ съ государственно-экономическими интересами тѣхъ мѣстностей, которымъ служатъ пароходство и его субсидія. Пока-же обществу предоставлена полная свобода относительно фрахта: его печатный тарифъ—игрушка случая, подчасъ понижающаго плату даже на 60 процентовъ. Такой порядокъ вещей нельзя назвать правильнымъ, это несомнѣнно, но большинство ошибается въ имени виноватаго—виноватъ контроль, а не коммерція.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что Общество обладаетъ кромѣ недостатковъ и качествами русскаго торговаго человѣка. Оно не упускало случаевъ къ барышу, но въ трудныя годины безкорыстно несло службу помощи въ бѣдѣ. Такъ Общество снабжало хлѣбомъ по порученію Правительства, нашихъ братьевъ черногорцевъ и даромъ исполнило коммисію по покупкѣ и перевозкѣ зерна въ голодный 1880 годъ на Кавказѣ.

Теперь трудное время настаетъ для самаго Общества. Его запасный капиталъ, хранящійся въ русскихъ бумагахъ, въ восемь лѣтъ уменьшился на цѣлую треть отъ паденія цѣнности рубля. Суда и всѣ принадлежности покупаются заграницей, значитъ поневолѣ Обществу приходится охать, что за его милліоны, стоившіе въ 1876 г. 830.000 фун. стерл., теперь дадутъ не болѣе 580,000 такимъ-же золотомъ. Потеря, очевидно весьма чувствительная и по суммѣ почти равняется итогу барышей отъ навигаціи за всѣ эти восемь лѣтъ. Раззоряютъ его и немилосердные консульскіе сборы, на которые давно пора-бы обратить вниманіе. Живя заграницей, я зналъ случай гибели русскаго судна, оставшагося въ бурномъ морѣ изъ страха, что при входѣ въ гавань съ него возьмутъ непомѣрную плату русскому консулу, кстати, неснимавшему никогда халата по старости лѣтъ. Австрія и Англія, напр., совсѣмъ не знаютъ этихъ сборовъ, а у насъ вотъ какъ обираютъ: Общество уплатило по консульской таксѣ въ 1880 г. 72 тысячи руб., въ 1881—59 тыс., въ 1882—62 тыс. и все золотомъ (бумажекъ наша дипломатія не признаетъ), т. е. въ среднемъ болѣе чѣмъ по ста тысячъ кредитныхъ рублей въ годъ. Очевидно, что подобная плата есть противорѣчіе всѣмъ заботамъ и расходамъ правительства по части поощренія русскаго судоходства.

Почувствовали аппетитъ и порты, которые посѣщаются пароходами общества. Севастополь, напр., десять лѣтъ тому назадъ бралъ за пристань двѣ тысячи, теперь взимаетъ почти десять тысячъ. Маленькая Ялта, столь лакомая вообще до чужихъ кармановъ, обложила съ виду очень скромно—по 10 коп. съ ласта. Въ результатѣ-же выходитъ сумма очень крупная. Пароходы бываютъ въ этомъ роскошномъ уголкѣ 320 разъ въ годъ, а средняя вмѣстимость въ 400 ла-

стовъ; значитъ каждый пароходъ за стоянку въ Ялтѣ на чистомъ морѣ безъ признаковъ искусственной защиты отъ волны и вѣтра заплатитъ 40 руб., что для общества составитъ въ годъ платежъ въ 12.800 руб. Въ случаѣ подражанія Ялтѣ всѣхъ портовъ, Обществу придется платить за стоянки въ годъ до 600 тыс. руб., т. е. всю свою настоящую прибыль. Такова обратная сторона блестящей медали и я едвали ошибусь, сдѣлавъ изъ всего вышесказаннаго слѣдующій выводъ: до сихъ поръ мы на морѣ еще очень молоды и не умѣемъ отыскать ни виноватаго, ни праваго, одной рукой гладимъ, другой—кожицу снимаемъ. А между тѣмъ съ каждымъ годомъ, безъ сомнѣнія, приближается къ намъ тотъ день, когда Россіи будетъ настоятельно нужно явиться хозяиномъ на Черномъ морѣ, неисчерпаемомъ бассейнѣ природныхъ богатствъ.

VIII.

Не посчастливилось краю—въ пять лѣтъ увидѣлъ онъ пять генералъ-губернаторовъ. До сихъ поръ имена ихъ были громкія: Гурко, Тотлебенъ, Дрентель, и Дондуковъ-Корсаковъ. Теперь управляетъ краемъ генералъ-лейтенатъ Роопъ, сослуживецъ по Варшавѣ генерала Гурко и бывшій командиръ гренадеръ на малоазіатскомъ театрѣ войны. Вотъ сколько было именъ во главѣ власти въ краѣ, гдѣ что ни вершокъ, то вопросъ, требующій участія и выросшій вмѣстѣ съ быстрымъ ростомъ всей провинціи, до сихъ поръ числящейся въ географіяхъ малонаселенной и пустынной. Спорятъ національности—татары, греки, евреи, караимы, молдаване, цыгане и пр.; спорятъ аборигены земли съ массой пришлаго съ сѣвера люда; торговля идетъ на сотни милліоновъ, развивается судоходство и т. д. Однимъ словомъ, это край одинъ изъ тѣхъ, который юнъ и богатъ, который нуждается въ попеченіи власти. Разноплеменность его обитателей, оторванность отъ родной среды прямыхъ его дѣятелей и возможность быстрой наживы естественно создаютъ не мягкіе нравы и не деликатные принципы жизни, а потому отеческая рука необходимо должна бы чувствоваться, чтобъ сдерживать страсти и не давать имъ доростать до полнаго отрицанія чести и справедливости. Съ другой стороны и мелкіе представители мѣстной власти

живутъ здѣсь среди такого оживленія дѣлъ, быстраго перехода капиталовъ изъ рукъ въ руки, такого наплыва чуждаго народа, что ей тоже несравненно труднѣе и держать все въ порядкѣ и свою невинность соблюдать. А потому не мѣшаетъ въ краѣ имѣть и подъ этой властью ближайшій центральный народъ. Имѣя все это въ виду, нельзя не признать полезность учрежденія новорійскаго генералъ-губернаторства. Оно прекрасно оплачивается — десятками тысячъ рублей жалованья, считается наравнѣ съ самыми высшими административными постами, но на практикѣ остается посредствующей инстанціей. Генералъ Роопъ, напримѣръ, командируетъ своего чиновника особыхъ порученій для ознакомленія съ положеніемъ полиціи въ краѣ. Чиновникъ—бывшій софійскій градоначальникъ г. Карновичъ—наученный дипломатіи службой при дворѣ князя Баттенберга, исполняетъ порученіе съ великой осторожностью по отношенію къ гусямъ, но они все-таки растревожились и закричали: «ревизовать насъ имѣетъ право только сенаторъ!» Открываетъ г. Карновичъ такія вещи, отъ которыхъ дыбомъ волосъ становтся; напримѣръ, въ одномъ городѣ—самомъ мужицкомъ въ краѣ, куда собирается лѣтомъ до сотни тысячъ пришлаго рабочаго люда, установлена такса для паспортныхъ отсрочекъ, вмѣсто законныхъ 60 к.—по 3 р. 60 к. Возникаетъ такимъ образомъ вопросъ объ обирательствѣ самаго бѣднаго и страднаго люда на десятки тысячъ рублей ежегодно, но гуси сердятся и возмутительному дѣлу еще не положенъ конецъ...

Генералъ Роопъ произвелъ здѣсь впечатлѣніе человѣка очень суроваго и строгаго. Но у насъ приговоры о личностяхъ создаются черезчуръ легко—распекъ генералъ молоденькаго офицера за бѣлый воротничекъ—значитъ необыкновенно суровъ. Сохраненіе возможнаго порядка въ statu quo края—

его желаніе, а разрѣшеніе жгучаго мѣстнаго еврейскаго вопроса онъ ожидаетъ съ твердой увѣренностью изъ Петербурга. Однако, онъ наотрѣзъ отказалъ евреямъ въ разрѣшеніи праздновать память Монтефіоре, не желая поощрять космополитическія наклонности русскихъ іудеевъ.

Собственно Одессой правитъ старый знакомый Петербурга, бывшій директоръ департамента исполнительной полиціи и сатирическій поэтъ П. П. Коссаговскій. Онъ несомнѣнно также талантливъ въ прозѣ администраціи, какъ и въ стихахъ его неизданныхъ поэмъ. Евреи здѣсь боятся г. Коссаговскаго. Любятъ его за доступность и обходительность, но чувствуютъ, что рука у него нелегкая. Является, наприм., къ нему еврейская депутація съ просьбой запретить пасхальные выстрѣлы въ греческой церкви, потому что они «непріятно дѣйствуютъ на нервы евреевъ». Градоначальникъ любезно толкуетъ имъ, что эти выстрѣлы—древній обычай грековъ, который запрещать даже опасно при настоящей нелюбви христіанъ къ евреямъ—вы, молъ, лучше постарайтесь заслужить ихъ симпатію... Зная, что безпорядки родитъ не столько буйство кацапа, сколько нахальство жида, г. Коссаговскій наказываетъ строго за проявленіе послѣдняго качества. Такъ въ прошломъ году еврей-цѣловальникъ побилъ своего русскаго кліента, здорово живешь—тотчасъ еврейскій кабакъ закрыли на два года; на дняхъ другой еврей цѣловальникъ поссорился съ русскимъ кліентомъ, вызвавъ послѣдняго на нѣкоторое дебоширство—кабакъ закрыли до Троицы. Простой народъ быстро узнаетъ о такихъ рѣшеніяхъ и радуется имъ, а евреи, битые по самому чувствительному ихъ мѣсту — по карману—стали много осторожнѣе поить, обирать и задирать русскаго мужика. Кромѣ того къ каждой Святой градоначальникъ собираетъ тысячи рублей пожертвованій и на

нихъ устраиваетъ угощеніе многочисленной босоногой командѣ Одессы, давая ей возможность разговѣться по-человѣчески и чувствовать себя сытой и довольной въ самые опасные дни для порядка и еврейскаго пуха.

Генералу Гурко обязана Одесса полной реформой ея полиціи, не пользовавшейся прежде доброй славой. Важное мѣсто начальника ея въ этомъ многомилліонномъ капитальномъ, бойко торговомъ и еврейскомъ городѣ занялъ севастопольскій герой, бывшій предводитель дворянства и служившій по выбору земства—подполковникъ Бунинъ, человѣкъ съ безупречнымѣ прошлымъ и настоящимъ. Въ нѣсколько лѣтъ его управленія Одесса стала неузнаваемой. Чистота на улицахъ безукоризненная; прекратилось отвратительное зрѣлище нахальнаго приставанія ночныхъ дамъ къ проходящимъ и нѣтъ болѣе того открытаго цинизма, который нѣкогда въ Одессѣ поражалъ честнаго прохожаго еще больше, чѣмъ нѣкогда видъ ночного панеля Невскаго проспекта въ Петербургѣ. Въ дѣятельности г. Бунина есть одна сторона, которая плохо прививается на Руси, хотя по наукѣ она правая рука полиціи—это помощь администраціи нуждающемуся въ ней жителю. Въ Одессѣ масса голоднаго люда, не знающаго другой одежды кромѣ легкаго рванаго пальто, надѣтаго прямо на тѣло безъ рубашки. А холода бываютъ суровые и снѣгъ ложится чуть ни на аршинъ. На эти дни г. Бунинъ устраиваетъ въ каждомъ полицейскомъ участкѣ особыя комнаты для пріюта несчастныхъ и предписываетъ своимъ подчиненнымъ немедленно препровождать туда всѣхъ, желающихъ отогрѣться, но съ тѣмъ, чтобы «предоставляемый полиціей временной пріютъ никоимъ образомъ не долженъ имѣть характера лишенія свободы». Для отысканія же замерзающихъ въ глухихъ частяхъ города въ морозные дни установленъ особый обходъ.

Дѣти—горе Одессы. Чуть не каждый прибывающій сюда поѣздъ привозятъ малютокъ-сиротъ, являющихся отыскивать дядю, тетку или дальняго родственника. Пріѣзжаютъ въ большой городъ съ деревенской вѣрой, что первый встрѣчный укажетъ имъ, гдѣ живетъ желанный родякъ и попадаютъ въ трущобы, гдѣ или гибнутъ съ голода, или отъ рукъ еврейскихъ гешефтмахеровъ. Г. Бунинъ устроилъ особый надзоръ за пріѣзжающими дѣтьми, причемъ полиціи вмѣнено въ обязанность помогать дѣтямъ въ розыскѣ ихъ родственниковъ, а въ случаѣ безуспѣшности таковыхъ доставлять дѣтей къ нему и тогда полиціймейстеръ беретъ уже на себя заботу о призрѣніи сиротъ. Наконецъ, для болѣе успѣшной борьбы съ нищенствомъ г. Бунинъ принялъ на себя предсѣдательство въ распорядительномъ комитетѣ одесскаго общества призрѣнія и пріюта нищихъ.

А. Н. Молчановъ.

